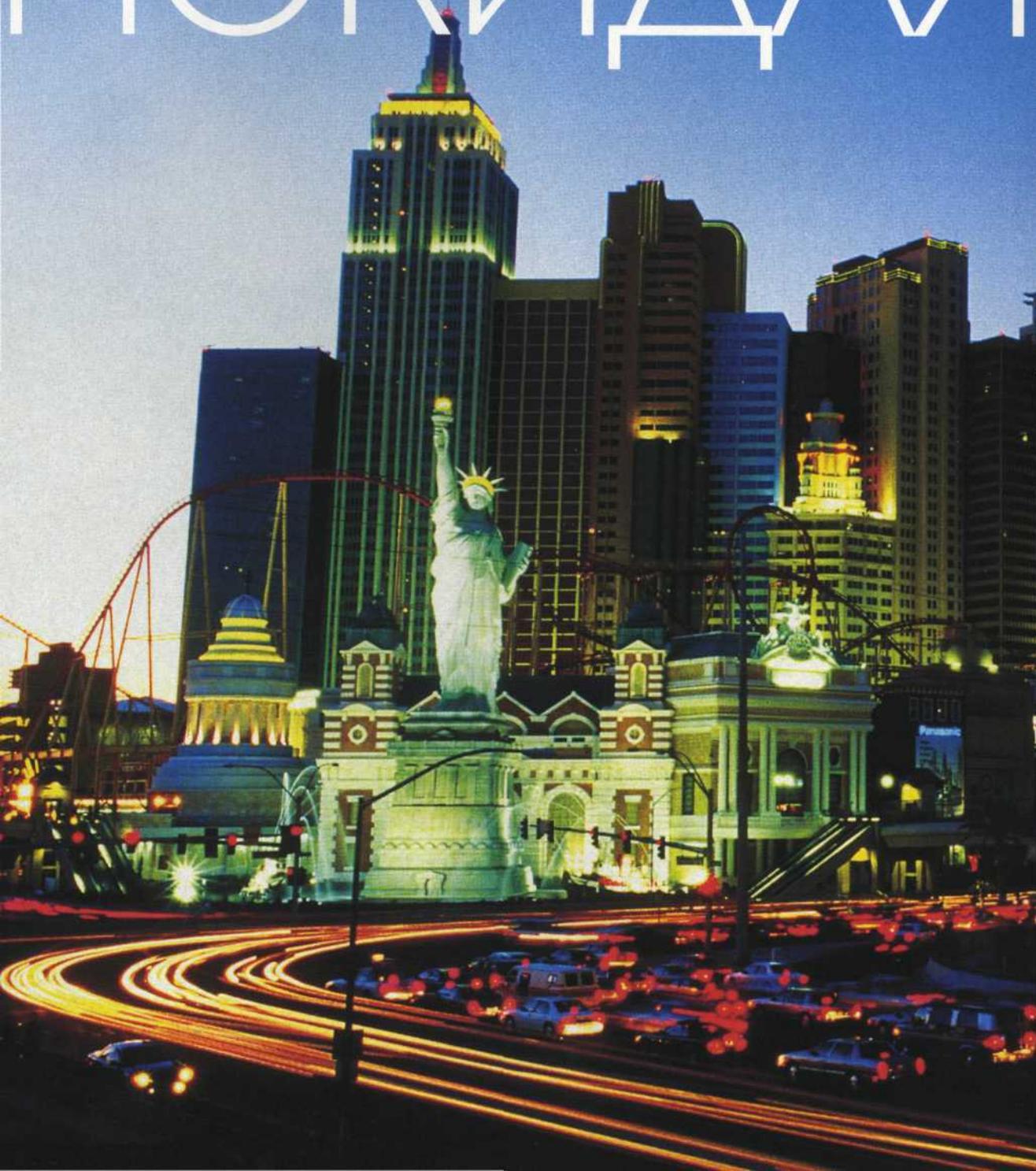
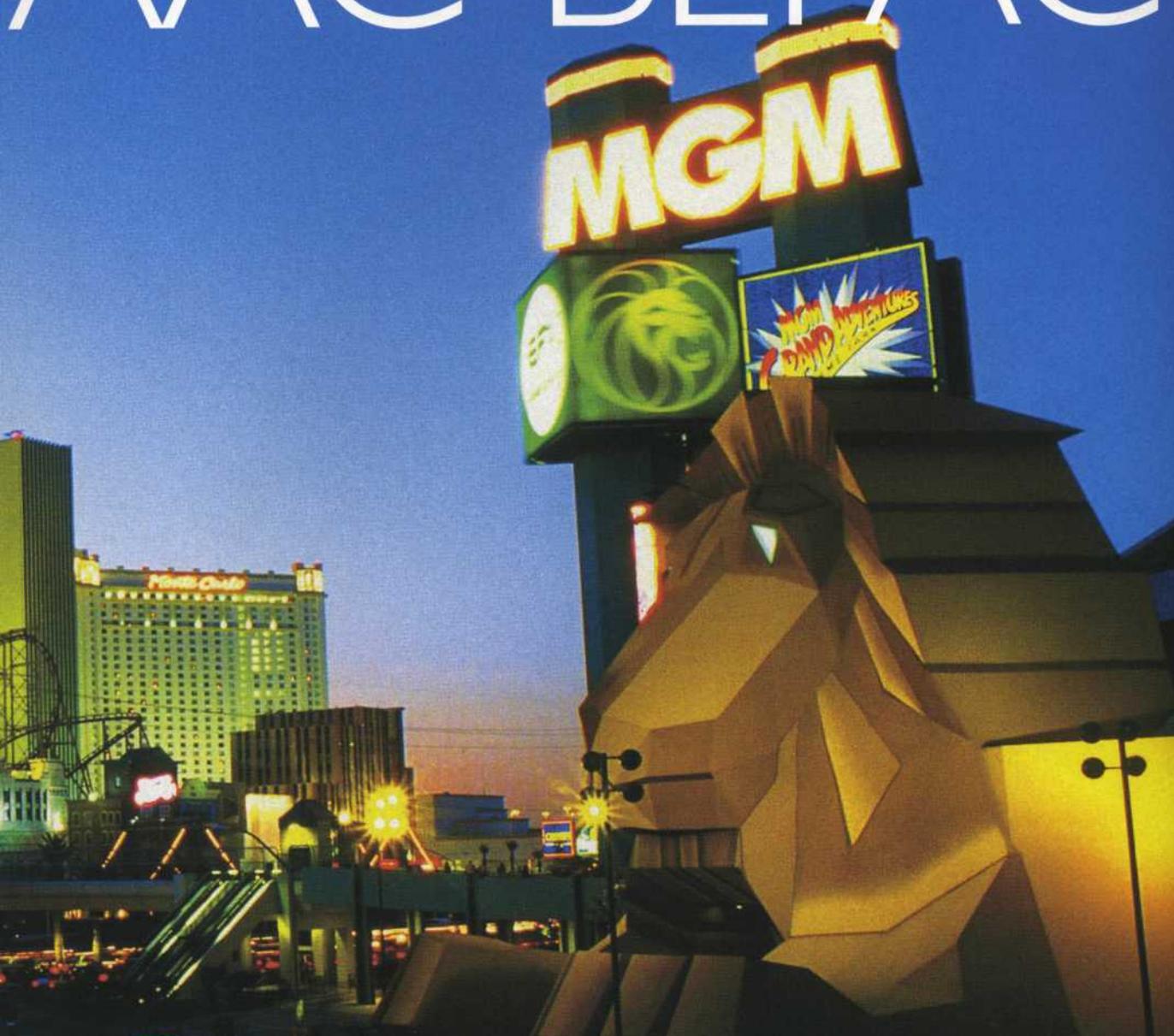


ПОКИДАЯ



ЛАС-ВЕГАС



«Дорогой Мо! Наконец-то я понял: Лас-Вегас слишком опасен для меня. Эта затея с самого начала была полным безумием: заядлому игроку строить самое шикарное казино в Америке -да это все равно что наркоману устраивать опиумный притон. Я думал вышибить клин клином, избавиться от своей болезни, но теперь понимаю, что это невозможно. Все! Я выхожу из игры!»

Уильям Уилкерсон, невысокий худой человек с усиками, как у Марлона Брандо, откладывает ручку в сторону и упрямо стискивает зубы. Он представляет себе лицо своего партнера Мо Сэдveja,

когда тот получит это письмо: мыслимое ли дело, бросить все на полпути, когда работы уже в полном разгаре, деньги получены и все в городе знают, что где-то в пустыне Невада мистер Уилкерсон решил построить оазис для игроков — с отелем, рестораном и всевозможными увеселениями... Сэдвей, наверное, ему не поверит, решит, что это минутная блажь, и Уилкерсон решительно приписыва-

ет в конце: «Знай, что решение мое окончательно и бесповоротно! Да, я вложил все, что у меня было, в этот проект, но моя душа и мое здоровье стоят дороже, поверь».

Черт, а ведь вначале эта идея казалась ему спасением... Он вспомнил тот день, когда впервые задумался о

постройке казино в захолустном местечке Лас-Вегас. Стоял ноябрь, холодный ноябрь 1944-го, и он ужинал у своего давнего приятеля, киномагната Джо Шенка. Джо был одним из немногих, кто знал о том, как страстно Уилкерсон одержим игрой, — он и сам частенько просиживал с ним бес-

«Решение мое окончательно и бесповоротно! Я вложил все, что у меня было, в этот проект, но моя душа и мое здоровье стоят дороже, поверь»

сонные ночи за карточным столом. Уилкерсон в тот вечер был сам не свой — куда подевались его знаменитая улыбка, бравада, уверенность в себе? Дорогой костюм висел на нем как на вешалке, под глазами обозначились мешки, руки едва заметно тряслись. «Я устал, Джо, — говорил Уильям, затягиваясь привозной кубинской сигарой. — Жить так дальше невозможно. Сам себе стал противен. За этот год я просадил больше миллиона — миллиона, понимаешь?! Да, мои предприятия дают неплохой доход — рестораны приносят прибыль, и газета тоже, но миллион?! Даже я не могу себе этого позволить. Просиживаю всю ночь за рулеткой, а утром у меня нет сил посмотреть в зеркало — мне стыдно, Джо. Я в долгах, как в шелках, мои рекламодатели больше не верят мне на слово, а типография перестала отгружать бумагу, потому что им не платили с сентября. Я на грани разорения, почти банкрот, и самое страшное — не могу остановиться. Сегодня среда, завтра четверг, в пятницу, что бы ни случилось, какая бы погода ни стояла на дворе, я отправлюсь на скачки, а на уик-энд поеду к кому-нибудь в загородный дом, где хорошая кухня и подпольная игра, и оставлю там еще пару десятков тысяч — это в лучшем случае! Джо, что мне делать?».

Если бы этот страстный монолог услышали подчиненные или партне-

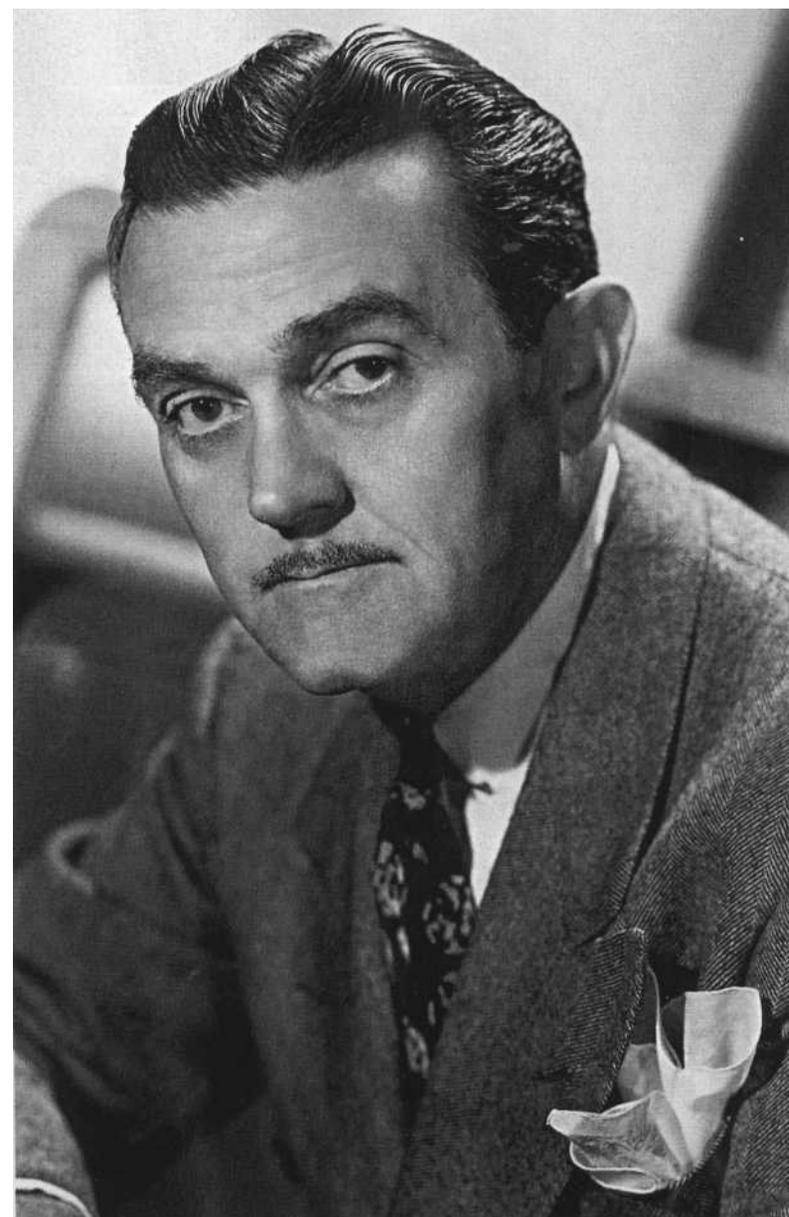
Уезжая учиться, Уильям клятвенно пообещал маме: что бы ни случилось, жить в бедности они больше не будут. Что ж, свои слова он помнил...



ры Уильяма, они бы страшно удивились. Уилкерсон, главный редактор «Hollywood Reporter», самой влиятельной газеты в Голливуде, владелец роскошных ресторанов и ночных клубов — игрок?! Уилкерсон на грани разорения?! Невозможно поверить.

Он слыл жестким, уверенным в себе бизнесменом, который каждый свой шаг просчитывает три раза и затем еще три — на всякий случай. На безвольного игрока Уильям никак не походил. Да и как это вообще можно скрыть?

УИЛЬЯМ проигрывал все, что было в карманах, и тогда писал на клочках бумаги долговые обязательства — на две тысячи, три, пять...



Дело, однако, обстояло именно таким образом. Днем Уильям вел жизнь добропорядочного бизнесмена, а вечером надевал свой самый лучший костюм и отправлялся в казино — проматывать заработанные за день деньги. Он не брезговал никакой игрой: покер, бридж, скачки, рулетка, даже кости. Элегантную коробочку с игральными костями Уильям всегда носил в нагрудном кармане, да и колода карт неизменно была под рукой. Он играл везде, при каждом удобном случае: оказавшись в ресторане в шумной компании, непременно предлагал бросить кости, чтобы решить, кому платить по счету, даже если ресторан был его собственный. Он проигрывал безумные суммы и ставил вдвое больше, чтобы отыграться; проигрывал и их, проигрывал все, что было в карманах, всю наличность, и тогда писал на первых попавшихся под руку бумажках долговые обязательства — на две тысячи, три, пять... На следующий день в конторе Уилкерсона раздавались звонки из близлежащих банков — клерки удивленно спрашивали, что им делать с потрепанной бумаженцией, по которой некий господин желает получить несколько тысяч, — это ведь, простите, клочок, оторванный от туалетного рулона? «На ней есть подпись мистера Уилкерсона? Разборчивая подпись? — невозмутимо переспрашивал посвященный в личную жизнь своего хозяина секретарь и, услышав, что да, подпись именно его, отдавал распоряжение: — В таком случае выдайте этому господину деньги. Мой босс — его должник».

Уилкерсон часто задавал себе вопрос: откуда у него эта безумная, всепоглощающая страсть к игре? И тут же с отвращением находил ответ — от папаша, откуда же еще! Уилкерсон-старший слыл самым заядлым и самым бесшабашным игроком на всем Юге — о нем ходили легенды. Старожилы салунов пересказывали новичкам, как в 1902 году Ричард Уилкерсон по прозвищу Big Dick выиграл в покер концессию «кока-колы» — единоличные права торговать

Днем Уилкерсон вел жизнь добропорядочного бизнесмена, а вечером надевал свой самый лучший костюм и отправлялся в казино — проматывать заработанные за день деньги

Уильям знал, что по нраву заядлым игрокам: он заказал специальные столы с закругленными столешницами, приказал убрать все часы и ни в коем случае не делать окон — ничто не должно напоминать игроку, какое сейчас время суток



освежающим напитком в тринадцати южных штатах. Удачно легла карта, всего одна карта — и он стал, считай, богачем. Улыбнись эта удача кому другому, уж тот смог бы ею распорядиться как следует: шутка ли — концессия «кока-колы»! И детям, и внукам бы хватило. Но не таков был Ричард Уилкерсон: на следующий же день он продал концессию и купил кинотеатр — Ричард любил синематограф и сыну своему привил эту любовь. Но и кинотеатр долго у него не продержался: через две недели Ричард продал и его (надоело!), получил четыре тысячи долларов, серьезные по тем временам деньги, и тут же спустил их — теперь уж подчистую. Семью Уилкерсон мотало из стороны в сторону: они переезжали с места на место, скрывались от должников, ночевали в дешевых ночлежках, а то вдруг, внезапно разбогатев, давали шикарные обеды и покупали дорогие шмотки, чтобы продать их за полцены на следующий же день. Сегодня они становились владельцами гигантской хлопковой плантации и лениво наблюдали с крыльца своей усадьбы, как собирают хрупкие коробочки с хлопком их прилежные рабы, а назавтра сами ни свет ни заря отправлялись на эти же поля работать — и все потому, что бесшабашный папочка за ночь проиграл и усадьбу, и плантацию, и рабов.

Глядя па отца, Уильям тоже пристрастился к игре: нередко он сопровождал его в ближайший игорный

дом, чтобы вовремя оттащить Ричарда от стола, пока тот не проиграл последнее, и во все глаза следил за игрой, пытаясь отгадать заветную выигрышную комбинацию, — увы, ему не удавалось ни то, ни другое. Мальчишка искал любой предлог, чтобы сбежать из дома, где напившийся Ричард смертным боем бил мать и где порой разыгрывались такие сцены, от которых у него мурашки бегали по спине. Папочка умер, оставив после себя одни долги да сына, который с детства привык играть с фор-

Мальчишка искал любой предлог, чтобы сбежать из дома, где порой разыгрывались такие сцены, от которых у него по спине бегали мурашки

туной и все наличные деньги тратил на лотерейные билеты.

Вместе с отцом Уильям похоронил и мечту закончить образование. За пару лет до этого он поступил в медицинский колледж, но теперь в семье не было денег, чтобы платить за обучение, лишь сплошные долговые расписки. Уезжая учиться, Уильям клятвенно пообещал маме: что бы ни случилось, жить в бедности они больше не будут. Что ж, свои слова он помнил...

Молодой парень бросает учебу, устраивается менеджером в киноте-

атр, которым владеет его приятель, тоже заядлый игрок (кинотеатр он выиграл в ту самую лотерею, в которой так упорно не везло Уильяму), и за половину от всех доходов раскручивает его так, что в маленький обшарпанный зальчик в Нью-Джерси съезжаются со всего штата — «У нас самые новые фильмы!», «У нас самые удивительные скидки!», «У нас можно курить в зале!»

Прошел год, и Уильям возблагодарил судьбу и непутевого папашу: ну был бы он сейчас скромным данти-

стом с небольшой частной практикой в каком-нибудь захудалом городишке — какая скука... Кинобизнес — дело куда более веселое, да и прибыльное, кажется. В последующие десять лет Уильям перепробовал дюжину занятий: он торговал фильмами, продюсировал, даже работал на «Universal Pictures» региональным менеджером, затем перебрался в Манхэттен и весь заработанный капитал вложил в акции маленькой деловой газеты, которая специализировалась на кинопроизводстве. Неплохое занятие, прият-

В июле 1930-го Уилкерсон основывает «Wilkerson Daily Corporation», а в сентябре выпускает первый номер газеты «Hollywood Reporter»

ные люди, но он был всего лишь одним из акционеров и ни на что толком не мог влиять. Шли годы, и Уильяму уже хотелось большего — вот бы делать газету о Голливуде в самом Голливуде! И стать там главным редактором — боссом, начальником, первым из первых! В конце концов он был уже серьезным, уважаемым человеком. Но на новый проект требовались немалые деньги, и Уилкерсон решил рискнуть. Он продает свою долю в газете, получает за нее 20 тысяч долларов, занимает еще двадцать пять и отправляется на биржу — знакомый брокер говорил, что именно сейчас можно неплохо сыграть на ценных бумагах, буквально за день удвоить свое состояние... В девять часов утра Уильям Уилкерсон входит в здание Торговой биржи на Уолл-стрит, покупает на все деньги намеченный заранее пакет ценных бумаг и выходит покурить на улицу. Сегодня 29 октября, его день рождения...

По правде говоря, Уилкерсону никогда не везло в азартных играх. За много лет он мог бы уже изучить свою кучую удачу как собственные пять пальцев, изучить и никогда не полагаться на случай при ведении серьезных дел — но в его жилах текла кровь Ричарда Уилкерсона, бесшабашнее которого не знала Америка



29 октября 1929 года Уильям вложил все деньги в акции, а через сорок пять минут рынок рухнул, на страну накатила Великая депрессия

начала века, и потому он спокойно стоял и смотрел на здание биржи, на Уолл-стрит, на пробегающие машины... Через сорок пять минут он заметил что-то неладное: вокруг биржи начала собираться гудящая толпа, из здания выбегали встревоженные брокеры, и в костюмах их царил непозволительный беспорядок. Уилкерсон двинулся посмотреть, что там

стряслось, уж не пожар ли, и вдруг остановился как вкопанный: на его глазах из окна третьего этажа выбросился почтенный бизнесмен. То было 29 октября 1929 года, знаменитый «черный вторник». Уильям вложил все деньги в акции, а через сорок пять минут рынок рухнул, на страну накатила Великая депрессия...

Он поставил на «зеро» и проиграл, вместо гигантских барышей — гигантские же долги и жизнь с нуля. В этот день газеты взхлеб писали о неслыханном количестве суицидов — бизнесмены, брокеры, владельцы мелких фирм стрелялись, прыгали в Гуд-

Все решили, что Уилкерсон рехнулся: строить казино в пустыне, на краю земли! Да кто туда поедет?





Уилкерсон как наяву видел свой будущий проект: в пустыне вдруг возникает божественный оазис, льются водопады, растут пальмы, а меж них высится роскошное таинственное здание — храм Игры!

Личный секретарь мистера Уилкерсона каждое утро выстаивал мессу, моля Господа отвести беду от бизнеса своего патрона

зон, и в этом скорбном списке вполне могло бы оказаться имя Уильяма Уилкерсона, неудачливого игрока с паршивой родословной. Но вместо этого Уильям спокойно упаковал вещи и переехал в Голливуд: быть игроком, может, и опасно, но по крайней мере привыкаешь к проигрышам. Стреляться? Из-за того что шарик остановился на другой цифре, что легла не та

карта? Какая чушь! Настоящий игрок устроен иначе, в сердце у него высечена мудрая буддистская заповедь «И это пройдет», и за чудовишными проигрышами его ожидают неожиданные, фантастические выигрыши.

В июле 1930-го Уилкерсон основывает «Wilkerson Daily Corporation», а в сентябре выпускает первый номер газеты «Hollywood Reporter» — кредито-

ры согласились подождать с выплатой долга, нашлись инвесторы, колесо фортуны крутанулось в обратную сторону, и вот уже Уильям Уилкерсон снова уважаемый и богатый человек, главный редактор главной голливудской газеты, которую не без внутренней дрожи раскрывают киномагнаты и специальной авиапочтой доставляют даже самому президенту...

Конечно, успех пришел не сразу. Кинокорпорации любят читать о своих фильмах, но только хорошее, только хвалебные слова, а Уильям, если фильм ему не нравился, не жалел слов, чтобы вывалить его в грязь, и делал это весьма убедительно. Нахальному газетчику пытались заткнуть рот, его корреспондентов не пускали на пороги кинофабрик, им не давали интервью и не делились даже пустя-

ковой информацией, но Уильям не унывал: он посылал репортеров шпионить за актерами, заставлял их проникать сквозь стены студий и рыться в корзинах для бумаг — о, там обнаруживались прелюбопытнейшие материалы, которые «Hollywood Reporter» с радостью публиковал. Он описывал подноготную киносиндиката, тыкал пальцем в заказные материалы у конкурентов, выставлял на всеобщее обозрение тех наглицев, которые пытались предложить ему деньги, и малопомалу студии сдались: этого авантюриста, решили они, невозможно шантажировать, его нельзя купить или от-

Он едет по Сансет-бульвару в собственном лимузине — хозяин жизни, гроза Голливуда, на нем дорогой, с иголки костюм, волосы тщательно уложены, тонкие усики намазаны воском и торчат в разные стороны — денди! Рядом с ним ослепительная красотка — не то третья, не то четвертая жена, друзья уже сбились со счета. Да, с Уилкерсоном ужиться нелегко, это твердят все, и его бывшие пассии в первую очередь. «У него только одна любовница — его работа», — говорит репортерам его предыдущая брошенная и покинутая, и слова ее немедленно появляются во всех колонках свет-

И вот уже на том же Сансет-бульваре вырастают рестораны «La Rue» и «Cros», а в Беверли-Хиллз — «LAiglon»: вечерами в них дают театрализованные представления, повара выписаны из Франции, здесь уютные кабинеты, а столики лучше заказывать за неделю — бизнес Уилкерсона процветает, к нему ходят актеры, продюсеры и знаменитые гангстеры. Уильям встречает их лично, он и сам любит обедать в этих ресторанах или пить кофе в своем кафе «Trocadero». Полгорода оставляет деньги у него, а он заканчивает рабочий день и отправляется просаживать тысячу за тысячей в какое-нибудь симпатичное казино.

Этому несчастью, казалось, не будет конца; его пытались отговорить близкие, личный секретарь каждое утро выстаивал мессу, моля Господа отвести беду от бизнеса мистера Уилкерсона, но тот никого не хотел слушать, он был упрямее любого ирландца и каждый вечер встречал у игрового стола: бледный, со стаканом виски в одной руке и истрепанной до дыр кроличьей лапкой на счастье в другой — он был суверен и к тому же искренний католик, так что, когда рулетка начинала свой разбег, губы Уилкерсона возносили молитву Деве Марии. Увы, Дева Мария, как видно, не одобряла азартные игры, и шарик снова и снова закатывался не туда.

Лишь однажды она услышала молитвы близких Уильяма: в конце тридцатых губернатор Калифорнии взял да и запретил в подведомственном ему штате все азартные игры и

«Не хочешь проигрывать? Открой свое казино. И тогда ты просто будешь перекладывать деньги из одного своего кармана в другой»

лучить от информации, а раз так, то с ним лучше не враждовать. И вот уже Уилкерсон заводит дружбу с сильными мира сего, на просмотры новых фильмов за ним присылают лимузин, а то и приезжают на дом с кинопроектором, его зовут на приемы, а там отводят в сторону и заводят разговоры по душам, предлагают сотрудничество, рекламу на выгодных условиях, самые эксклюзивные новости и все, что душе угодно.

ской хроники. А Уильям едет по бульвару и рассуждает, чуть откинув назад голову: «Нет, я не люблю Америку. Грубая страна, нет в ней шика. То ли дело Европа...» Он думает, что хорошо бы открыть в Голливуде элитный клуб, как в Париже или Лондоне, и еще ресторан с хорошей кухней, а лучше совместить одно с другим — из депрессии мы худо-бедно выбрались, а тут, в Голливуде, крутятся хорошие деньги, уж ему-то не знать.



Сюда будут приезжать издалека, привозить жен, детей, любовниц — к их услугам прекрасный ресторан, самая изысканная кухня, умопомрачительные представления и чарующая музыка

проституцию. В один день закрылись любимые казино Уилкерсона, и друзья вздохнули спокойно, но ненадолго, совсем ненадолго: разве одержимого игрока остановит такая ерунда? Нет казино в Калифорнии — значит, надо ехать в соседний штат, расстояние не помеха.

И начались бесконечные поездки по прериям в маленькие городишки, где для него и таких же, как он, игорные дома работали с утра и до ночи семь дней в неделю. Вместо легаль-

ных казино появились нелегальные — шустрые парни вмиг наладили целый бизнес, открылись даже экзотические плавучие казино — их устраивали на громадных кораблях, которые отплывали в нейтральную зону, туда, где не действовали законы дурацкого штата. Ночная тряска по пыльным дорогам, качка на нанятых катерах, даже полеты на самолетах в соседние штаты — все это могло остановить кого угодно, только не Уилкерсона, а его секретарь, поначалу

возблагодаривший судьбу, проклял все на свете: не раз и не два приходилось ему срочно вылетать к боссу с чемоданом, набитым деньгами, — расплачиваться за его неудачи. К тому же после таких поездок, после бесконечных проигрышей Уилкерсон возвращался на рабочее место злой как черт и заходить к нему в кабинет до обеденного перерыва не рисковали даже самые лихие репортеры.

По счастью, все его заведения давали солидный доход и с лихвой покрыв-



Бенджамин Сигел
по прозвищу Багси

вали гигантские проигрыши — ему случалось играть в домах, где в ходу были фишки по десять тысяч долларов, а Уильям играл не скупясь. Даже когда он поехал покупать отель на французской Ривьере и вернулся с пустыми руками, потеряв за два дня все до последнего цента, все 80 тысяч долларов, даже тогда это не сильно ударило по его бюджету. Но в 1944 году ситуация стала угрожающей: к июлю он просадил 750 тысяч, назанимал денег и спустил их тоже. К осени сумма выросла до миллиона, пару раз он проиграл фонд заработной платы своих служащих и вместо денег ставил на кон рекламное пространство в своей газете. Положение дел ухудшалось с каждым днем. Уилкерсон уже и сам понимал, что катится по наклонной, но остановиться не мог. Случись это лет на тридцать позже, он, конечно, обратился бы в общество «Анонимных игроков», но тогда и в помине не было никаких анонимных об-

думывал, не построить ли чего на Кубе, но работать под чужим флагом он не привык и потому отправился в неприметный городок Лас-Вегас, что в Неваде, — присмотреться на месте.

Сказать по правде, в Лас-Вегасе он бывал уже не раз: надо же где-то играть, а тут, в провинциальном, Богом забытом местечке было с десяток казино, и все на одной улице. Приятно: вышел из одного, зашел в другое — как-никак разнообразие. Пара старомодных отелей, несколько баров, ничуть не изменившихся со времен Гражданской войны, бесконечные прерии да выжженные каньоны до горизонта — вот и весь Лас-Вегас. И жара, жуткая нескончаемая жара!

Уилкерсон возвращался домой (облегчив попутно кошелек на 17 тысяч) и видел свой будущий проект как наяву: в пустыне вдруг возникает божественный оазис, льются водопады, растут пальмы, а меж них высится ро-

Ему не хватало 400 тысяч. Уильям занял 200 и по старой привычке решил заработать рулеткой. Надо ли говорить, что он проиграл все подчистую

шество, и психоаналитиков тоже, а пристрастие к игре вовсе не считали болезнью. Самых заядлых игроков знали в лицо, писали про них в газетах, и Уилкерсону это жутко льстило. Но к кому идти за помощью в такой дурацкой ситуации? И вот он сидит у своего друга Джо Шенка, тот слушает, долго думает, а затем, выпустив в воздух аккуратное колечко дыма, говорит: «Хочешь обезопасить себя от проигрыша? Стань с другой стороны стола — открой казино. И тогда ты просто будешь... перекладывать деньги из одного своего кармана в другой».

Уильям ухватился за эту идею, как за соломинку, но, оглянувшись вокруг, обнаружил пренеприятнейшую вещь: вслед за Калифорнией почти все штаты запретили азартные игры! Осталась только Невада, невзрачное место посреди пустыни, где вечная жара и люди ходят в ковбойских шляпах, — вариант не из лучших. От мысли открыть подпольное казино Уильям отказался сразу, долго раз-

скошное таинственное здание — храм Игры! Сюда будут приезжать издалека — пожалуйста в шикарный отель, лучший в штате, что в штате — в стране! Сюда привезут жен, детей, любовниц — к их услугам прекрасный ресторан, самая изысканная кухня, умопомрачительные представления и чарующая музыка. А вот и самое главное: ряды рулеток, столов для покера, для «блэк джека», залы, залы и еще залы. Все для игрока — взыскательного, богатого, понимающего игрока. Такого, как он — Уильям Уилкерсон!

Конечно, все решили, что Уилкерсон рехнулся: строить казино в пустыне, на краю земли, да кто туда поедет?! Но Уильям в свой проект верил, как в самого себя, потому что знал: он сам поехал бы не раздумывая, а ведь он разборчив, имеет вкус к жизни, а раз так — поедут и остальные. Он не видел минусов, лишь сплошные плюсы: никаких конкурентов (жалкие казино в городе не в счет), и строить можно не в городе, а где-нибудь на



Теперь во «Фламинго» крутились всякие подозрительные личности, и сам Багси (на фото слева), поначалу такой обходительный, уже диктовал свои условия, давал понять, что он здесь главный, он, и больше никто!

«Лас-Вегас вреден для меня, — писал Уилкерсон. — Командуйте сами, делайте что хотите. Акционером я останусь, но это гиблое место покину»

окраине, где земля стоит копейки (он прикупил огромный участок всего за 84 тысячи). Все необходимое его гости найдут, не покидая пределов казино — второго такого уж точно не будет нигде. Главной задачей было найти деньги, но и это решилось в считанные дни: Уильям взял заем в банке, что-то подкинул его друг Шенк, тут же поверивший в реальность проекта, и дело завертелось. Не хватало, правда, 400 тысяч. Уильям занял 200 и

по старой привычке решил заработать рулеткой. Надо ли говорить, что он проиграл все подчистую, плюнул и начал строить с тем, что у него было — кривая вывезет.

Уилкерсон нанял двух толковых архитекторов, делавших его рестораны, и те сочинили ему невиданный проект: с многоэтажным отелем, где были роскошные номера с мраморными ваннами и биде, их Америка в те годы и не видела; с кондиционера-

ми, которые только-только изобрели, — до того номера охлаждали чудовищными вентиляторами, которые работали на солярке и тарыхтели как сумасшедшие. За казино располагался искусственный бассейн, вокруг — пальмы, а в центре всего — зала с рулетками и игровыми столами, минувать ее было решительно невозможно, идете ли вы из отеля на улицу, в ресторан или к бассейну. Уильям неплохо разбирался в устройстве увеселительных заведений, но еще лучше знал, что будет по нраву азартным игрокам: он заказал специальные столы с закругленными столешницами (как его достали эти острые углы в казино!), приказал убрать все часы и ни в коем случае не делать окон — ничто не должно напоминать клиентам, какое сейчас время суток. Здесь всегда будут царить приятный полумрак и тишина — полы необходимо засте-



Через два дня тело знаменитого гангстера было найдено на его собственной вилле: Багси лежал на цветастом диване — дорогой костюм залит кровью, а вместо левого глаза зияла дыра

лить специальной материей, прислуга должна ходить на цыпочках, и ничто не отвлечет от игры. Идеальная ловушка. Все было продумано.

Но как управлять казино, он не имел решительно никакого представления и потому нанял двух толковых менеджеров: Мо Сэдвее и Гуса Гринбаума, которых ласково именовал

днями продумывая интерьер своего казино, он только распалил себя и вечером спускал такие суммы, за которые даже ему с утра бывало стыдно.

Одним таким хмурым утром Уилкерсон с ненавистью посмотрел в зеркало, изорвал в клочья очередные наброски по «Фламинго» и сел писать решительное письмо. «Дорогой Мо!

Багси берет Уильяма за грудки и мрачно говорит: «Ну ты, сука, если не продашь все, завтра твои мозги будут отмывать с сиденья твоей машины»

«мальчиками». Работа кипела, придумали даже название — «Фламинго». Уильям пропал на стройке, а вечерами — в соседних казино. Он проигрывал, проигрывал, проигрывал... Отвращение к самому себе нарастало как снежный ком, и вдруг он понял, что никакое «Фламинго» не излечит его от игры, даже наоборот — целыми

— начиналось оно. — Я понял: Лас-Вегас вреден для меня. Забирайте себе бразды правления, делайте что хотите. Акционером я останусь, но это гиблое место покину». Обескураженный Сэдвей, получив письмо с нарочным, бросился в номер Уилкерсона, но того и след простыл: он уехал в Голливуд, надолго, навсегда.

...Два года спустя, Париж, отель «Риц». Невысокий человек с усиками, как у Марлона Брандо, стоит у окна и, отодвинув занавеску, всматривается в прохожих. Ему что-то кажется подозрительным вон тот парень в кепке, натянутой чуть ли не на нос, и он терпеливо ждет, пока этот тип не скроется за углом. Постоялец дорогого номера внимательно осматривает окна напротив — не блеснет ли где оптический прицел — и, быстро одевшись, выходит на угол купить пару банок «кока-колы» и свежий номер «New York Times». Он идет не оборачиваясь, не смотря по сторонам и, если кто-то вдруг окликает его, коротко говорит: «Вы обознались», «Простите», «Позвольте пройти».

Купив все что нужно, Уилкерсон возвращается в отель и молча пьет свою газировку, упершись невидящим взглядом в какую-то одному ему заметную точку. Иногда он в бесильной злобе бьет кулаком по стене, и тогда проходящий по коридору портфель слышит короткие ругательства, в которых различает только слово «Лас-Вегас» и интернациональную английскую брань. Да, это Лас-Вегас



Уильяму хотелось вычеркнуть из памяти людей свою связь с этим городом, и ему это удалось. «Фламинго» открылось без него, Лас-Вегас из понятия географического превратился в нарицательное, а имя Уилкерсона позабыли даже историки

загнал его сюда — в Париж, в добровольное заточение, в номер, оказавшийся клеткой. Уильям пытается вспомнить, как ему вообще в голову пришла мысль снова вернуться в Лас-Вегас, и ругает себя самыми страшными словами. Он думал убежать, но Лас-Вегас оказался хитрее: он догнал его, догнал и едва не убил.

Произошло это так же спонтанно, как и вообще все происходило в жизни Уильяма Уилкерсона. Проведя пару месяцев вдали от своего любимого проекта, он поостыл и с ужасом понял, что его добровольный уход был лишь нервным срывом, что никаких положительных сдвигов не наблюдается — он по-прежнему проиг-

рывал серьезные суммы, но теперь над ним посмеивались газетчики: бросил начатое на полпути, сломался, проиграл. Уильям бесился — кто смеет обвинять его в проигрыше? Проигрывать он жутко не любил, легко мог обвинить своих партнеров в жульничестве, полезть в драку, а уж в бизнесе с ним такого не случалось ни разу. И Уильям возвращается в Лас-Вегас, выкупает контрольный пакет и снова берется за дело. Уже выстроен отель, завезены пальмы, плещется вода в бассейне. Только вот денег опять не хватает — уж больно дороги стройматериалы в послевоенной Америке. Уильям в панике ищет инвесторов, и тут на сцене появ-

ляется некто Бенджамин Сигел, расфуфыренный парень с серьгой в ухе и дорожным шейным платком. Он говорит, что представляет ассоциацию частных инвесторов и готов вложить сколько нужно. Миллион? Пусть будет миллион, как скажете. Мы вам - деньги, вы нам — треть акций, выгодная сделка, а?

Сигел, Бен Сигел — да Уильяму ли его не знать? В Голливуде его прозвали Багси — «жучок». Багси был пронырливым гангстером, мелкой сошкой, проходил по 17 уголовным делам, крутил романы с актрисками, любил кутить в ресторанах Уильяма. Понятно, что за частные инвесторы за ним стояли: мафия, Мейер Лански

собственной персоной — главный «крестный отец» Калифорнии. Уилкерсон поколебался, но все же подписал бумаги. А что ему оставалось?.. Это стало его роковой ошибкой: еще вчера он был полновластным хозяином «Фламинго», а сегодня здесь вертятся подозрительные личности, чуют близкую наживу, и сам Багси, вначале вежливый и обходительный, теперь нагло ставит свои условия и недвусмысленно намекает, что здесь он главный, он, и больше никто. Проходит месяц, другой, и Уильяму уже угрожают. Он продает часть своих акций, затем еще, потом продает права на землю, а если вдруг начинает упираться, Багси берет его за грудки и мрачно говорит: «Ну ты, сука, если не продашь все, что есть, завтра твои мозги будут отмывать с сиденья твоей машины». Уильям прячется, зовет адвоката, пытается сказать решительное «нет», а через два дня ему в офис звонит взволнованная женщина и выдыхает в трубку: «Мистер, моему мужу заказали убить вас! Я не хочу, чтобы произошла беда, лучше исчезните, мистер».

Так Уилкерсон оказался в Париже, своем любимом городе, красоты которого в этот приезд он и не замечал. Днем и ночью он торчал в своем номере и только по воскресеньям ездил к мессе в собор Парижской Богоматери. Уильям, честно говоря, надеялся, что Сигел провалит все дело — ну какой он, к черту, администратор! — И мафия позовет обратно Уилкерсона. Но время шло, а Багси продолжал

командовать, и Уильямом все сильнее овладевало убеждение, что никакое казино, никакая мечта не стоят таких мучений и страхов. Он созвонился со своим поверенным и мрачно сказал: «Продавай. Все продавай. Пускай подавятся».

Чуть позже выяснилось, что Уильяму оставалось ждать совсем недолго: Мейер Лански очнулся, вызвал на ковер Сигела и обнаружил, что введенный ему миллион разбазарили самым идиотским образом, а строительство казино не продвинулось ни на йоту. Когда за Сигелом затвори-

ли коротко предупредил: «Не прилетайте, пока все не закончится». «Что не закончится?!» — нервно закричал Уильям, но трубку уже повесили.

Он приземлился в аэропорту Лос-Анджелеса, бледный, осунувшийся, и два репортера, прослышавшие о приезде магната, попросту не узнали его. Да и как было опознать в этом исхудавшем, безвременно состарившемся человеке знаменитого Уилкерсона? Он вернулся домой, к жене и детям, отказался от всех интервью и никогда ни при каких обстоятельствах не упоминал Лас-Вегас: Уилья-

**«Не прилетайте, пока все не закончится». —
«Что не закончится?!» —
нервно закричал Уильям,
но трубку уже повесили**

лась дверь, Лански поднял телефонную трубку и произнес две короткие фразы, затем поднялся, потер виски и отправился ужинать. Через два дня тело знаменитого гангстера было найдено на его собственной вилле: Багси лежал на цветастом диване — дорогой костюм залит кровью, а вместо левого глаза зияла дыра. В этот же день Уильям Уилкерсон упаковал чемоданы и вернулся в Лос-Анджелес. Он вернулся бы и раньше, но ему позвонил незнакомый мужчина и

ему хотелось вычеркнуть из памяти людей свою связь с этим городом, и ему это удалось. «Фламинго» открылось без него, Лас-Вегас из понятия географического превратился в нарицательное, а имя Уилкерсона позабыли даже историки.

Сам он там никогда не был. Уилкерсон перестал играть, вечера он проводил дома и до конца своей жизни не переступил порога ни одного казино.

Ханна Лебовскн